

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2019.3.3

Концепции культурных и социальных поворотов и их эвристические возможности

В. Г. ФЕДОТОВА

Институт философии РАН

Понятие «поворот» эвристически значимо для характеристики нового пути или новых путей в исследовании процессов и явлений. С помощью концепции поворотов сегодня конструируется и упорядочивается ткань научного дискурса. Поворот фиксирует не просто случайный сдвиг, а закономерный или найденный автором новый тренд либо изменение тренда. На наш взгляд, социальные повороты, наряду с культурными, способствуют социальному конструированию реальности, открывая пласт социальных проблем и выводов. В одних случаях поворот характеризует в большей степени новый методологический подход, а в других — новую онтологию или попытку новой рефлексии существующих реалий. Используя понятие «поворот», мы обращаемся к либеральному и социал-демократическому поворотам, а также к повороту переосмысления европейской современности путем нахождения ее новых форм. Попытка поворота состоит в поисках нового ракурса исследовательской деятельности. Эвристический потенциал, стоящий за переходом к поворотам, велик, но не может быть переоценен, поскольку не все значимые изменения характеризуются как повороты, как не все повороты являются концептуально важными.

Ключевые слова: капитализм; модерн; современность; концепция поворотов; культурный поворот; социальный поворот; либеральный поворот; социал-демократический поворот; европейская современность; современное общество; экономика

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье рассматриваются возможности и следствия радикальных культурных и социальных изменений, а также изменения теоретических подходов, получивших в научной литературе название поворотов. Следующие этому тренду специалисты сумели привлечь исследовательское внимание как к поворотам в культуре, так и к поворотам в социальном развитии. Специфика этого знания состоит в его развитии во времени и в нахождении новых точек сдвига или точек поворота.

КУЛЬТУРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОВОРОТЫ

Концепции поворотов проблематизируют значимые подходы, методологии и предметные области в социальных науках. Выделение поворотов как инструмента исследовательской работы начинается в 1980-х гг., активно происходит в 2000-е гг. и продолжается до сих пор. Достаточную известность приобрели такие повороты, как интерпретативный, перформативный, рефлексивный/литературный, постколониальный

повороты, переводческий, пространственный, культуральный, постмодернистский, лингвистический, прагматический повороты, поворот практики, дискурсивный, визуальный, космополитический, пространственный, повороты мобильности и др.

Многие исследования связаны с обсуждением постмодернистского поворота в теории и методологии социальных наук. В концентрированном виде суть этого поворота раскрывается английским социальным теоретиком С. Сасеном как констелляция ряда поворотов парадигмального значения. Он выделяет релятивистский поворот в эпистемологии, интерпретативный поворот в методологии социальных исследований, культуральный поворот в социологии, контингентный поворот в историографии (представление о том, что социальная реальность всегда исторически контекстуальна), автономный поворот в политике (Susen, 2015).

Повороты могут быть обнаружены в гуманитарных науках, науках о культуре, а также в социальных науках, к которым мы обратимся. В работе немецкой исследовательницы Д. Бахманн-Медик «Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре» систематизированно описаны тенденции осмысления культурных изменений или сдвигов. Они обозначены и исследованы как **культурные повороты**, среди которых особо выделяются интерпретативный, перформативный, рефлексивный/литературный, постколониальный, переводческий, пространственный, иконический повороты (Бахманн-Медик, 2017: 7–30).

Существуют многообразные культурных повороты, среди которых есть и повороты к новым культурным поворотам. Попытка поворота состоит в поисках нового ракурса деятельности. Общий культурный поворот — это поворот к культурной сложности. Как отмечает Д. Бахманн-Медик, «расхожим тематическим ориентациям... противопоставляется во многом методическая направленность “поворотов”, вырабатывающих установки восприятия, оперативные подходы и концепции, а также аналитические категории» (там же: 15). Бахманн-Медик считает, что «культурологические повороты отличаются не только тем, что осваивают междисциплинарные предметные области, но и тем, что вводят в исследование собственный инновационный словарь» (там же: 21). Повороты становятся методами отдельных дисциплин. Д. Бахманн-Медик подчеркивает: «...для контекстуализации культурологических “поворотов”, прежде всего, решительно важно, что толчок им дала принципиальная переориентация на “культуру”. Культура накладывает на ткань социального присущие жизненному миру значения» (там же: 14–15). Это не всегда так.

В конечном счете, повороты формируют мейнстримы. Повороты, как считают Д. Бахманн-Медик и другие сторонники того, что можно назвать «поворотом к поворотам» в научных исследованиях, говорят об отказе от старой модели объяснения и появлении принципиально новой модели, основанной на четко выделенной предметности.

Концепций поворотов к настоящему времени предложено достаточно много. Это, с одной стороны, метафора, подобная идеям о социальном, культурном и человеческом капитале, мягкой силе и пр. Как у метафоры у концепции поворотов имеется ограниченный период существования: от введения, через этап повышенного интереса и максимального использования, достижения насыщения, до спада интереса и относительного забвения. Поворот является характеристикой тех состояний, в которых признанные теоретические подходы и концептуальный аппарат заменяются новыми. В одних случаях поворот характеризует в большей степени новый методологический подход, а в других — новую онтологию или попытку новой рефлексии существующих

реалий. Иногда с помощью обозначения тематического поля или подхода как поворота пытаются привлечь внимание к тому или иному сюжету, который до этого момента не был активно обсуждаем. Метафора «поворота» значительно расширяет видение ситуации, основанной на одном из или многих принципах (обозначенных здесь как поворот или повороты).

В более поздней работе Д. Бахманн-Медик рассмотрела культурные повороты с управленческой точки зрения. Развивая концепцию поворотов, она обсуждает такие их управленческие измерения, как конкурентоспособность, специализация и признание на академическом рынке. Академическое поле похоже в этом аспекте на поле экономики, что является следствием неолиберальных реформ, которые были проведены во имя повышения эффективности и подотчетности науки. В подобных условиях культурные повороты являются отражением ситуации, когда для ученого главным становится принцип «публиковаться или умереть», совмещенный с «риторикой “передовых” исследований, которая порождает множество “исследований” и “поворотов”» в междисциплинарном поле» (Bachmann-Medick, 2017: 48). Повороты чаще всего не являются продуктом одного исследователя. Они — результат широкой междисциплинарной кооперации. Заимствуя у социолога Й. Ангермюллера понятийный аппарат изучения академического рынка США, Бахманн-Медик отмечает сходство с немецкой ситуацией — наличие цикличности исследовательского процесса, в котором существует «торговые циклы теорий» и «конвертируемая ценность теорий». При этом возрастающее «принуждение» ученых академической средой к «самопозиционированию» вызывает взрывной рост открытия ими новых поворотов (там же: 48–49). В ряде случаев исследователи выносят в заголовок своей работы понятие «поворот» или претендуют на авторство какого-либо поворота, чтобы не отстать от других ввиду отмеченной выше конкуренции на поле научного дискурса.

Одна из серьезных попыток определить **социальные повороты**, научный потенциал и вызовы, которые эти повороты ставят перед научным сообществом, была предпринята Британской академией наук в 2014 г. Эта международная междисциплинарная инициатива состояла в приглашении представителей 17 научных дисциплин более чем из 12 университетов. Она получила название «Исучая повороты» (Taking turns, см.: Taking Turns' ... : Электронный ресурс). Исследователи не пошли по пути упорядочивания существующих вариантов поворотов или их умножения, а сконцентрировались на выделении ключевых поворотов в социальных и гуманитарных науках. Они были определены как **материальный, аффективный и сенсорный**. На наш взгляд, науки о культуре отошли тут на более далекий план как разнообразные и проблематизирующие свои функции, приближая тем самым названные социальные повороты.

Под **материальным поворотом** понимают возрастание важности «обычных объектов» — одежды, кухонных предметов, окружающих человека вещей, которые «делают возможной человеческую жизнь». Материальные объекты определяют возможный круг действий индивида и одновременно сдерживают его активность.

Сенсорный поворот, по мнению исследователей, пришел на смену лингвистическому и визуальному: «вместо того, чтобы прочитывать или описывать культуру, и вместо того, чтобы ее визуализировать, как насчет того, чтобы ее **чувствовать?**» (там же). Возникает понимание культуры как деятельности по производству чувств, при котором чувства воспринимаются не как данные, а как сформированные и формируемые. Чувства относятся как к ощущениям, так и к значениям. Внимание к чувствам позво-

ляет более точно понимать значения, поскольку значение не ограничивается только языком, а определяется содержащими смысл видами деятельности.

Третий социальный поворот связан с **аффектом и эмоциями** и способностью их изучать в рамках социальных наук. Между аффектом и эмоциями исследователи видят различие, заключающееся в том, что аффект относится к субъективным социально не опосредованным реакциям, а эмоция является конвенциональной культурной и социальной категорией, как, например, «ярость или радость».

Американский профессор истории из Колумбийского и Стэнфордского университетов Г. С. Клейн призвал к необходимости **«исторического поворота»** в социальных науках (Klein, 2017). Он отмечает, что около 50 лет назад, когда работающие за пределами узкой дисциплинарной специализации историки занимались изучением политической, экономической, социальной и демографической истории, социальные науки не проявляли интереса к их исторической специфике. Сегодня ситуация изменилась: в рамках социальных наук собираются данные и проводятся исследования процессов, имеющих достаточно длительную историю, например — социальной мобильности, занятости, социального неравенства, состояния здоровья и пр. В связи с этим социальным наукам нужны серьезные исторические исследования, в которые можно было бы привлечь междисциплинарно ориентированных историков. «Исторический поворот» в социальных науках привел к пониманию важности исторического подхода в целом, показывает Г. С. Клейн. Он также связан с необходимостью усиления внимания историков к междисциплинарному полю социальных и культурных исследований.

С помощью концепции поворотов сегодня конструируется и упорядочивается ткань научного дискурса. Поворот фиксирует не просто случайный сдвиг, а закономерный или найденный автором новый тренд либо изменение тренда. **Социальные повороты**, наряду с **культурными**, способствуют социальному конструированию реальности, открывая пласт социальных проблем и выводов.

На наш взгляд, можно типологизировать повороты на основании их принадлежности к процессам, явлениям и концепциям микро-, мезо- и макроуровня. Большинство поворотов, представленных в научной литературе, могут быть отнесены к микро- или мезоуровню исследования. Мы предлагаем далее в нашей статье рассмотреть *три социальных поворота макроуровня, которые мы назовем либеральным, социал-демократическим поворотами, и поворотом к переосмыслению современности (конкретизируется на примере европейского модерна, а также взаимоотношении современности и капитализма)*.

Попробуем применить понятие «поворот», кажущееся нам правомерным для характеристики существенных изменений исследовательских программ в современных науках об обществе. В отличие от Д. Бахманн-Медик мы рассматриваем не культурные, а социальные повороты.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТЫ

В либеральной и социал-демократической литературе мы можем также найти концепт «поворота», который пытается предложить либеральную революцию против коррумпированной экономики, капитализм для народа (Зингалес, 2016). Книга известного американского ученого (итальянца по происхождению) Л. Зингалеса показывает перспективы обновления либерального видения в США, имеющего ряд исторических причин: американский капитализм существенно отличается от капитализма дру-

гих стран, ибо ему предшествовало становление демократии, ограничивающей политическое влияние деловых структур. Капитализм развился здесь в условиях демократии. Доля участия государства была при этом минимальной. Американский капитализм появился в относительной изоляции от иностранных влияний. Протестантская этика способствовала в Америке формированию убеждений, согласно которым богатство есть вознаграждение за тяжелый труд. Л. Зингалес пишет: «...в силу всех этих причин сформировалась культура, которая верит в возможность и перспективы экономической свободы и открытой конкуренции. Весьма спорное представление о том, что тяжелый труд будет должным образом вознагражден, до сих пор лежит в основе американского представления о жизни. Эта точка зрения снизила негативное воздействие на рынок в США и привела к тому, что в этой стране капитализм популярен и надежен. Обеспеченное капитализмом процветание Америки в различных сферах дало ему широкую общественную поддержку со стороны народных масс... Основу этой общественной поддержки составляли также связанные с рыночной системой преимущества и ощущение справедливости этой системы. К сожалению, эти преимущества начали стираться» (там же: 21, 22). Сегодня, по мнению Зингалеса, крупный капитал обладает чрезмерной властью и инструментами обогащения, ограничивает политическую конкуренцию. Но его книга — о восстановлении подлинно либеральной демократии — утверждает возможность такого поворота.

Мы полагаем, что существует возможность как либерального, так и *социал-демократического поворота*, ставящего вопрос не о сумме благ всего общества (неолиберализм), социальной справедливости, в том числе и в экономическом смысле, а также в плане возможностей активного действия людей за достижение своих прав. Это происходит не только вследствие действия маятника «неолиберализм — социал-демократия», но и в связи с выдвиганием многих азиатских, латиноамериканских, африканских и прочих стран на уровень глобального участия в мировых процессах. Глобализация втянула весь мир в активное взаимодействие между странами и регионами на экономическом и культурном уровне, вместе с тем позволяя сохранить специфику в понимании задач развития каждым регионом или страной (см.: Федотова, 2017).

По мнению живущего в Испании немецкого социолога П. Вагнера, эволюция современности (*modernity*) происходила следующим образом: от первой либеральной современности Запада XIX в. через разрывы, кризисы и Первую мировую войну ко второй организованной современности Запада большей части XX в. — с 1920-х по конец 1960-х гг. Нами (В. Г. Федотовой) было введено понятие третьей современности XXI в., которое стало своего рода новым Новым временем для незападных стран, начавшимся примерно с 1960-х гг. Эти страны вступают в эпоху, похожую на ту, которую Запад прошел с наступлением Нового времени, но имеют отличие, состоящее в более значительном влиянии факторов культуры и глобализации (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008: 133–357).

Капитализм в истории рассматривался критически. К. Маркс был революционным критиком капитала, но признавал его цивилизующую миссию. Это относится и к М. Веберу. Сегодня критика капитализма не носит революционного характера и не направлена на уничтожение капитализма. Она ориентирована в значительной мере на его улучшение. Работ, в которых ставится вопрос о конце капитализма, становится все меньше. Количество исследований капитализма с объективных позиций растет. Социальные теоретики выделяют по меньшей мере четыре типа отношений капитализма и современности:

1) капитализм и современность как прочно связанное и переплетенное социальное образование;

2) современность как самое многообещающее явление, которому капитализм не дает завершиться, становясь причиной многообразных форм современности;

3) капитализм и современность — сосуществующие, но аналитически различные социальные системы;

4) есть страны, развитие которых обеспечено капитализмом (например, Англия), и есть такие страны, в судьбе которых наибольшую роль оказала модернизация, например политическая модернизация (США, Франция, в особенности важна роль Великой французской революции) (Wagner, 2001, 2008).

Если мы зададимся вопросом, имела ли альтернатива капитализму и социализму в истории, то ответ состоит в том, что альтернатива такая имела место. Ее носителем являлась социал-демократия, представлявшая взаимовыгодный контракт власти, бизнеса и наемных работников об условиях их взаимодействия. Это оказалось наиболее благоприятным для населения порядком, но с началом глобализации капитал стал убежать туда, где выгодно. Налоговая база социал-демократии, за счет которой осуществлялось справедливое распределение, ослабла. Социал-демократические страны являются и являлись капиталистическими. Но социал-демократии обеспечивали высокий уровень социальных гарантий, качества жизни, справедливости и соответствия этическим нормам, хотя большая трата средств на социальную политику уступала место неолиберальной конкуренции, когда средства скапливались в руках немногих. Альтернативой как капитализму, так и социализму могла бы быть социал-демократия, несмотря на то что она осуществилась только в тех странах, которые определялись как капиталистические. СССР не пошел по данному пути, а он мог бы осуществить реальную конвергенцию капитализма и социализма таким образом.

В настоящее время возродились дебаты о социал-демократии в западных странах, привлекая внимание обществ Запада в связи с очевидным концептуальным кризисом, и в незападных странах, ищущих возможности совместить социалистические ориентации с капитализмом. В переведенной и опубликованной в России книге «Как сделать капитализм приемлемым для общества?» ее автор — известный британский социолог и политолог К. Крауч, во-первых, подвергает критике неолиберализм, обычно связанный с экономической ортодоксией МВФ и ОЭСР, за безразличие к неравенству; во-вторых, утверждает, что неолиберальная ситуация создает опасную атмосферу неравенства, и в-третьих, упоминает «поразительный факт» того, что «все эти события порождены отнюдь не могущественными силами, неподконтрольными человеку, но являются результатом политического выбора — и это поразительный факт... финансовый кризис 2008 г. раскрыл потенциально разрушительные последствия функционирования некоторых аспектов капитализма, его зависимость от способности государства спасти общественный строй от его собственных противоречий за счет широких слоев населения, а также привлек внимание к непрерывно углубляющемуся неравенству, которое, как представляется, соответствует интересам элит» (Крауч, 2016: 10–11). Альтернативой Крауч считает «государство всеобщего благосостояния и напористой социал-демократии» (там же: 142–173), которая представляется ему высшей формой либерализма. Его аргументация разворачивается как отход от оборонительной политики к «напористой социал-демократии», т. е. социал-демократии, способной заново открыть свои возможности. Он осуществляет критику неолибера-

лизма, подчеркивая его частичную, через рыночные несоответствия достигаемую несовершенную конкуренцию, неадекватную информацию, неадекватное состояние общественных благ и экстерналий (внешних условий). Именно две последние черты представляются Краучу наиболее заметными дискуссионными несоответствиями. Общественные блага он характеризует как «желаемые и неконкурентные сущности». Это значит, принимается во внимание, что «потребление блага одним лицом не препятствует его потреблению другими» (там же: 57), т. е. получаемое одними не отнимается у других и обеспечивается контролем со стороны правительства. Но не все блага таковы. Многие из них являются предметом жесткой конкуренции. «Европейская социал-демократия должна встряхнуться и отказаться от оборонительной позиции, которую она занимает все последние годы... Вновь на первый план выходит проблема неравенства. Власть, которой обладают крупные корпорации, создает все больше проблем для потребителей, трудящихся и граждан... Во всех... областях социал-демократия занимает сильные позиции, а неолиберальный капитализм наиболее уязвим. Но вот парадокс... в большинстве стран мира социал-демократия находится в депрессивном состоянии, а неолибералы чувствуют себя триумфаторами. Если мы поймем причины столь странной ситуации, то сможем предложить изменения, которые следовало бы внести в политику социал-демократов, и помочь им перейти от обороны к активным действиям, чтобы вместе с экологическими и другими прогрессивными общественными группами создать новый политический союз, более целостный, чем простые “красно-зеленые” предвыборные объединения» (там же: 16). Но это — не вся программа. Это — как раз начало строительства «государства всеобщего благоденствия и напористой социал-демократии», которая способна обеспечить коллективные переговоры, координацию сил, социальные инвестиции и государство всеобщего благоденствия, отходя от оборонительной позиции. Крауч считает эти перспективны вполне реальными. С нашей точки зрения, распад СССР сыграл дурную роль, вызвав переход западных элит на позиции неолиберализма. Теперь в восстановлении социальной политики для Запада важна будет позиция России в возвращении к концепциям социал-демократии. Крауч считает, что рынки, регулирование, общественные услуги, социальная и транснациональная политика налогообложения дают основание для оптимизма (там же: 261–285).

Еще более жесткую позицию критики либерализма занимает американец Ф. Котлер, который получил почетную степень в 21 иностранном университете. В своей книге «Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики» (Котлер, 2016) он называет требующие решения проблемы: бедности; роста неравенства доходов; положения рабочих; создания рабочих мест в эпоху роста автоматизации; общественных затрат компаний; загрязнения окружающей среды; бизнес-циклов и экономической нестабильности; опасности низкой заинтересованности; долгового бремени и финансового регулирования; разрушения экономики политикой; краткосрочной ориентированности капитализма; сомнительных результатов рыночной деятельности; роста ВВП и темпов экономического развития; необходимости производить счастье, наряду с товарами. Таким образом, Котлер насчитывает 14 факторов рыночной экономики, которые требуют пересмотра. При этом он проявляет стремление к высокоэффективному капитализму, способному удовлетворить общественные потребности. Он пишет о проектах, которые позволили бы капитализму лучше функционировать и принести пользу, о причинах, побудивших его написать книгу о капитализме, ставя многие его современные качества под вопрос

Мы полагаем, что маятник «либерализм — социал-демократия» не прекратил своего существования, и поворот к социал-демократии может затронуть немалое количество стран. Но социал-демократия сегодня, в России особенно, в условиях глобального капитализма нуждается в новом общественном договоре, заключенном между обществом, бизнесом и государством.

Известные авторы Д. Касассас и П. Вагнер, работающие в Испании, считают, что реконцептуализировать «современность» и «капитализм» — основная задача современной теории. Современность, как считают названные исследователи, раскрывает «самопонимание обществ», а концепт «капитализма» трактуется ими как исторически-специфический ответ на вопрос об удовлетворении материальных потребностей» (Casassas, Wagner, 2016: 159). Одновременно авторы рассматриваемой статьи обозначают свою задачу как ответ на вопрос, как связать оба термина (современность и капитализм). Они полагают: «...несмотря на широкое распространение, не совсем очевидно и еще менее аргументированно, что термины “современность” и “капитализм” относятся к текущей социальной теории. Они скорее имеют “сепаратную концептуальную историю”» (там же: 159). Модернити, по их мнению, часто трактуется как современное общество, капитализм понимается в духе К. Маркса. Эта ситуация требует переосмысления.

Существенным поворотом является дискуссия по этим базовым понятиям. Данные исследователи отмечают, что понятие «модернити» часто заменяется термином «современное общество», являющимся ключевым концептом модернизационной теории, который исходит из теории Т. Парсонса и идеи функциональной дифференциации как высшей ступени эволюции в социополитической организации. Другим таким словом является «капитализм», анализировавший К. Марксом (хотя он не употреблял самого этого термина). «Модернити» начало употребляться в плюральных формах как типы модернити. Капитализм часто связывают безо всяких альтернатив со способом организации экономики и ее включенностью в общество. Оба термина (модернити и капитализм) образуют текущую социополитическую организацию, которая ведет к большой социальной трансформации, в нашем понимании — к поворотам.

Раскрывая место капитализма в современном понимании, упомянутые авторы показывают, что его истоки находятся в индустриальной революции, в то время как корни модерна — во Французской революции. Модернити позволяет осуществить самоинтерпретацию на основе автономии. Капитализм, со своей стороны, обращается к экономической проблематике. Модернити ассоциируется со свободой и действием, капитализм — с подавлением и отчуждением.

Мы видим обозначенные ими повороты к *современности* и *капитализму*, раскрывающие в своем взаимодействии их целостную природу. Эти исследователи пытаются реконцептуализировать современность и капитализм таким образом, чтобы можно было понять динамику их исторических трансформаций и вариации их текущей политической связи. Иными словами, ключевую задачу современной социальной теории они видят в том, чтобы произвести и осознать адекватный поворот, который должен произойти в осмыслении как современности, так и капитализма. Он состоит в переходе к новым отношениям, в их терминологии — «конstellации» современности и капитализма, при которой «коллективная автономия должна быть срочно мобилизована для противодействия возрастающим видимым опасным последствиям капитализма, который был ошибочно воспринят как самоуправляемый и находящийся за пределами контроля» (там же: 169). Это переосмысление важно для либерального и социал-демократического поворотов.

Мы не касаемся в этой статье постмодернистской традиции. Она верна применительно к культурным трансформациям, кино, искусству, литературе, музыке, кинематографии, вниманию и поддержке меньшинств, решению вопросов об идентификации, а применительно к общей концептуализации эпохи решающую роль продолжает играть модерн (текущий, поздний, реинтерпретированный, множественные современности и пр.).

Большую роль в формировании поворотов играет оценка тех изменений, которые происходят в Европе.

ПОВОРОТ К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Вышеупомянутый социолог и социальный философ П. Вагнер опубликовал ряд статей, в которых поставил вопрос о том, окончилась ли сегодня европейская современность, и призвал ее переосмыслить (Wagner, 2017). Он предложил обратиться к анализу того, что представляет собой современность Европы сегодня.

По его мнению, полезно начать с некоторого представления о современности как об автономии: «Когда люди полагают себя способными и желающими самим определять законы, такой момент по праву считается высшей точкой в истории: это обязательство самим определять свои законы сыграло большую роль в подъеме Запада, чем увеличение материального достатка» (там же: 129; перевод наш. — В. Ф.).

Центром европейского проекта современности были идеи индивидуальных свобод и рационального действия. Однако «эта ключевая концепция современности была не чем иным, как очень специфической интерпретацией современности. Несмотря на то что индивидуалистически-инструментальная модель человека, общества и политики была насильственно реализована в XVIII в. в Европе, она никогда не оставалась безоговорочной. Альтернативные предложения были сделаны в ответ. Европейская мысль отвергла индивидуализм и инструментализм, подчеркнув богатство и плотность социальных связей между людьми» (там же: 130). В результате, показывает Вагнер, Европе присуще разнообразие внутриевропейских самопониманий, обусловленных различными региональными историческими событиями. Это значит, что «Европа никогда не была монолитной и не существует монолитной европейской современности» (там же: 130). В отличие от потомков поселенцев в США, большинство европейцев «не было убеждено в индивидуалистической онтологии», — утверждает Вагнер. «Ни один из ее ключевых компонентов — демократия, рынки, индивидуальная автономия, разделение религии и политики — не был реализован таким образом, как этого ожидали сторонники модели» (там же). Сама модель была создана «перед лицом неизвестной изменчивости и космологического разрыва» (там же) во время «ранней современности». Последующие исторические события изменили исходную модель: «Признавая заблуждения инструменталистского индивидуализма, а также зачастую испытывая негативные последствия его частичного применения, европейцы пытались выработать плавные компромиссы между различными обязательствами, такие как “солидарность” Третьей Французской республики или межклассовые альянсы в Скандинавии периода между мировыми войнами. Но такие договоренности работали только при довольно благоприятных обстоятельствах, и им не хватало концептуальной согласованности базовой модели. В более противоречивых обстоятельствах европейцы перешли к радикальным переосмыслениям, таким как расовое притеснение, колониальная эксплуатация и “коллективные эссенциализмы” фашизма, нацизма и сталинизма» (там же: 131).

Высшей и устойчивой точкой европейской современности, по мнению Вагнера, стала ее организованная фаза, наступившая в Европе после окончания Второй мировой войны. Она была связана со стабильным институциональным компромиссом послевоенного периода и основывалась на либерально-демократическом кейнсианском благосостоянии и развитии национального государства в условиях усиливающейся европейской интеграции. «Организованная европейская современность рассматривалась — и в некоторой степени переживалась — как оптимальное сочетание индивидуальной свободы, демократии на основе конкуренции, социальной солидарности, национальной принадлежности и сообщества» (там же).

Однако эта модель недолго была устойчивой. Внутренние и внешние вызовы ей возникли уже в конце 1960-х гг. и в течение 1970-х гг. Но тогда ее будущее, показывает Вагнер, представлялось успешным. Считалось, что модель требует адаптации в плане большей индивидуальной свободы, которую позднее стали называть индивидуализацией, и большей открытости внешнему миру, позднее рассматриваемой как глобализация.

Вагнер полагает, что эти изменения, несмотря на свою «частичную нормативную оправданность», подорвали основы стабильности организованной современности. Это произошло, поскольку они подорвали демократию, изменив формат социальности: «...больше не нация, но не Европа и не мир в целом» (там же) и ослабив связи между членами государства. Вагнер отмечает, что разрушение организованной современности было осуществлено во имя свободы (как индивидуальной свободы, так и свободы предпринимательства), однако не сопровождалось «адекватной ре-институционализацией европейской современности» (там же: 132). Однако к свободе, проявляющейся в «индивидуализации и глобализации (с социологической точки зрения) или правах человека и демократии (с политической точки зрения), Европа была не готова» (там же). Из-за этого Европа попала в «ловушку гегемонии дискурса», позиционируя себя как глобального защитника принципов индивидуальных свобод, справедливости и солидарности. Эти изменения не дали Европе возможности выработать для себя новую адекватную модель современности, в которой место Европы было бы определено как «отражающее ее специфику, ограниченное в социальном пространстве и имеющее исторические корни» (там же). Вагнер видит ошибки Европы, с одной стороны, в абстрактной приверженности демократии при одновременном непонимании условий, при которых демократия возможна, что привело европейцев к «риторической» поддержке демократизации Северной Африки, Ближнего Востока и Восточной Европы. С другой стороны, внутри Евросоюза не сложилось понимания себя субъектом коллективного действия. Напряжение между неотрефлексированными до уровня концептуальной модели нормативными обязательствами и новыми вызовами, стоящими перед Европой, заставляет Вагнера настаивать на переосмыслении сегодняшнего состояния европейской современности и определении концептуальных основ ее модели в XXI в., без которого ее закат «станет неизбежным». Таким образом, речь идет о необходимости нового поворота в осмыслении основ европейской современности, ее исторической динамики и современного состояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повороты в социальных науках и науках о культуре представляют собой методологический инструмент для анализа современных изменений и концептуальных сдвигов. Они участвуют в социальном конструировании парадигмальной и предметной повестки научного дискурса. С позиции крупных социальных изменений можно гово-

речь о либеральном, социал-демократическом поворотах, переосмыслении модерна как поворота. Эвристический потенциал, стоящий за переходом к поворотам, велик, но не может быть переоценен, поскольку не все значимые изменения характеризуются как повороты, как не все предлагаемые исследователями повороты являются концептуально важными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахманн-Медик, Д. (2017) Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М. : Новое литературное обозрение. 503 с.

Зингалес, Л. (2016) Капитализм для народа. Либеральная революция против коррумпированной экономики. М. : Изд-во Института Гайдара. 361 с.

Котлер, Ф. (2016) Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики. М. : Эксмо. 288 с.

Крауч, К. (2016) Как сделать капитализм приемлемым для общества? М. : Национальный исследовательский институт Высшей школы экономики. 288 с.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция. 608 с.

Федотова, В. Г. (2017) Роль культуры в формировании национальных моделей капитализма // Вестник ВГУ. Серия «Философия». №4. С. 81–95.

Bachmann-Medick, D. (2017) Cultural Turns: A Matter of Management? // ReThinking Management: Perspectives and Impacts of Cultural Turns and Beyond. Ed. by W. Kuepers, S. Sonnenburg, M. Zierold. Wiesbaden : Springer. P. 31–55. DOI: 10.1007/978-3-658-16983-1_2

Casassas, P., Wagner, P. (2016) Modernity and Capitalism: Conceptual retrieval and comparative-historical analyses // European Journal of Social Theory. Vol. 19 (2). P. 162–171.

Klein, H. (2017) The “Historical Turn” in the Social Sciences // The Journal of Interdisciplinary History. №48. P. 295–312. DOI: 10.1162/JINH_a_01159

Susen, S. (2015) The ‘Postmodern Turn’ in the Social Sciences. London : Palgrave Macmillan. ISBN 978-1-137-31823-7

Taking ‘Turns’: Material, Affective and Sensory ‘Turns’ in the Academy [Электронный ресурс] // The University of Manchester. URL: <https://www.socialsciences.manchester.ac.uk/sociology/research/projects/taking-turns/> (дата обращения: 02.05.2019).

Wagner, P. (2001) Modernity, Capitalism and Critique // Thesis Eleven. 66 (1). P. 1–31. DOI: 10.1177/0725513601066000002

Wagner, P. (2008) Modernity as Experience and Interpretation. Polity. 296 p. ISBN: 978-0-745-64218-5

Wagner, P. (2017) The End of European Modernity? // Changing Societies & Personalities. Vol. 1. №2. P. 128–135.

Дата поступления: 02.06.2019 г.

CONCEPTS OF CULTURAL AND SOCIAL TURNS AND THEIR HEURISTIC OPPORTUNITIES

V. G. FEDOTOVA

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The concept of turn has heuristic significance for characterizing a new way or new ways in the research into processes and phenomena. Today, the concept of turns helps to construct and organize the matter of scientific discourse. A turn records not only a random shift, but also a natural trend or trend alteration, or the one discovered by an author. In our opinion, social as well as cultural turns promote social construction of reality revealing a layer of social issues and conclusions. In some cases, a turn characterizes a new methodological approach to a greater extent, while in others — a new ontology or an attempt of a new reflection of the existing realia.

When using the notion “turn” we appeal to the liberal and social-democratic turns, as well as the turn of rethinking European modernity by way of finding its new forms. The attempt of a turn consists of the search for a new angle of research activity. The heuristic potential underlying the transition to turns is large but it cannot be overestimated since not all the significant changes are described as turns; similar to turns, not all of which are conceptually important.

Keywords: capitalism; modern; modernity; concept of turns; cultural turn; social turn; liberal turn; social-democratic turn; European modernity; modern society; economics

REFERENCES

- Bakhmann-Medik, D. (2017) *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 503 p. (In Russ.).
- Zingales, L. (2016) *Kapitalizm dlia naroda. Liberal'naia revoliutsiia protiv korrumpirovannoi ekonomiki*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara. 361 (In Russ.).
- Kotler, F. (2016) *Konets kapitalizma? 14 antidotov ot boleznei rynochnoi ekonomiki*. Moscow, Eksmo. 288 (In Russ.).
- Krauch, K. (2016) *Kak sdelat' kapitalizm priemlym dlia obschestva?* Moscow, Natsional'nyi issledovatel'skii institut Vysshei shkoly ekonomiki. 288 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: Tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obschestva*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 608 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G. (2017) Rol' kul'tury v formirovanii natsional'nykh modelei kapitalizma. *Vestnik VGU. Seriya «Filosofia»*, no. 4, pp. 81–95.
- Bachmann-Medick, D. (2017) Cultural Turns: A Matter of Management? In: *ReThinking Management: Perspectives and Impacts of Cultural Turns and Beyond*. Ed. by W. Kuepers, S. Sonnenburg, M. Zierold. Wiesbaden, Springer. Pp. 31–55. DOI: 10.1007/978-3-658-16983-1_2
- Casassas, P. and Wagner, R. (2016) Modernity and Capitalism: Conceptual retrieval and comparative-historical analyses. *European Journal of Social Theory*, vol. 19 (2), pp. 162–171.
- Klein, H. (2017) The “Historical Turn” in the Social Sciences. *The Journal of Interdisciplinary History*, no. 48, pp. 295–312. DOI: 10.1162/JINH_a_01159
- Susen, S. (2015) *The ‘Postmodern Turn’ in the Social Sciences*. London, Palgrave Macmillan. ISBN 978-1-137-31823-7
- Taking ‘Turns’: Material, Affective and Sensory ‘Turns’ in the Academy. *The University of Manchester* [online] Available at: <https://www.socialsciences.manchester.ac.uk/sociology/research/projects/taking-turns/> (access date: 02.05.2019).
- Wagner, P. (2001) Modernity, Capitalism and Critique. *Thesis Eleven*, no. 66 (1), pp. 1–31. DOI: 10.1177/0725513601066000002
- Wagner, P. (2008) *Modernity as Experience and Interpretation*. Polity. 296 p. ISBN: 978-0-745-64218-5
- Wagner, P. (2017) The End of European Modernity? *Changing Societies & Personalities*, vol. 1, no. 2, pp. 128–135.

Submission date: 02.06.2019.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного семинара «Социальная философия и развитие гражданского общества в России» Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: val_fedotova@mail.ru

Fedotova Valentina Gavrilovna, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Sector of Social Philosophy, Head, Research Seminar “Social Philosophy and the Development of Civil Society in Russia”, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. Email: val_fedotova@mail.ru